

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ АГЕНТИВНЫХ ИМЕН, РАЗВИВАЮЩИХ ПОЛИСЕМИЮ

О. Б. Полянчук

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 октября 2010 года

Аннотация: статья посвящена анализу системных закономерностей процесса развития полисемии рядом суффиксальных производных французского языка, исследованию регулярных соотношений между исходной и производной семемами. Прослеживается системная зависимость между моделью семантической деривации и композиционными особенностями семантики суффиксального производного (комплексного знака).

Ключевые слова: словообразовательная мотивация, суффиксальное производное слово, модель семантической деривации, комплексный знак, словообразовательное значение.

Abstract: the research focuses on rules and correlations between complex signs (suffixal derivatives) and their derivative sememes in polysemic perspective. The author claims that the prototype polysemy development patterns are largely determined by compositionality of the complex sign.

Key words: word-formation motivation, word-formation elements compositionality, prototype polysemy development patterns, suffixal derivatives.

Динамический аспект исследования языка в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей. Это можно объяснить тем, что развитие языка – это явление, требующее комплексного подхода. Проблематика, затрагивающая динамический аспект анализа языка, достаточно широка: она включает вопросы семантического моделирования, соотношения типов языковых значений (в частности, их изменения в ходе семантического развития), вопросы, связанные с поиском когнитивных причин, лежащих в основе семантического развития слова, и многие другие. На наш взгляд, наиболее перспективным в этом плане является рассмотрение динамических аспектов, касающихся взаимодействия различных уровней языка. В частности, в центре нашего внимания оказывается анализ производных слов (французских существительных с суффиксами агента действия), развивающих полисемию. Мы делаем попытку решить следующие задачи:

– определить, в какой степени словообразовательная структура производного слова или, по терминологии Е. С. Кубряковой, комплексного знака [1, с. 14] сохраняется в производных от него семемах;

– проанализировать долю семантики, вносимой словообразовательным формантом (суффиксом) в общую семантическую структуру производной семемы;

– рассмотреть соотношение словообразовательных и семантических параметров многозначного

комплексного знака на различных уровнях идиоматичности производных семем;

– изучить когнитивные причины, определяющие различные направления семантического моделирования на базе производного слова;

Многие исследователи указывали на необходимость поиска композиционного потенциала языкового и, в частности, комплексного знака [2; 3; 4; 5; 6]. Указывалось также и на необходимость изучения многозначных производных и поиск «следа» словообразовательного значения [7, с. 30]. Однако решение перечисленных задач в заданном аспекте осуществляется впервые.

Нами исследован обширный корпус многозначных словарных единиц и текстовых примеров. В результате исследования мы пришли к выводу, что полисемия комплексных знаков (в частности суффиксальных) развивается по двум основным направлениям: путем словообразовательной и путем семантической деривации. Эти два способа имеют четкие критерии дифференциации.

Многозначность, связанная со словообразовательной деривацией, предусматривает многократное повторение акта словообразования, при котором словообразовательный формант присоединяется к многозначной производящей основе, взятой в различных значениях. Например, существительное *rêveur*, образованное по модели (V + *eur*)N в результате развития полисемии приобретает два значения: 1. *Qui se laisse aller à la rêverie* – «тот, кто впадает в мечтательность»; 2. *Penseur chimérique, dépourvu de réalisme* – «химе-

рический мечтатель, лишенный чувства реальности». Оба ЛСВ – результат словообразовательной деривации от двух значений глагола *rêver* – «мечтать»: 1. *Laisser aller son imagination* – «мечтать, дать волю воображению»; 2. *Désirer comme un idéal un peu chimérique* – «желать некоего химерического идеала».

По этому же типу развивает полисемию и существительное *casseur* (модель (V + *eur*)N). Оно имеет несколько ЛСВ, из которых нас интересуют ЛСВ1 и ЛСВ3: *personne qui casse* – «человек, который ломает» и *personne qui cours d'une manifestation endommage les biens publiques ou privés* – «человек, который во время демонстрации повреждает общественное или частное имущество, нарушает порядок».

Что касается семантической деривации, то в данном случае мы имеем дело с уже созданным производным словом, на базе которого развиваются производные семемы. Производные комплексные знаки, развивающие полисемию путем семантической деривации, в корне отличаются от комплексных знаков, полученных в результате словообразовательной деривации. Первые появляются вследствие процесса десемантизации и идиоматизации производного ЛСВ на основе перестройки семемы. Этот процесс осуществляется без участия словообразовательного акта. О словообразовательной структуре здесь можно говорить только в том смысле, что исходное значение многозначной единицы является в то же время значением производного слова, и поэтому его словообразовательная структура может в той или иной степени наложить отпечаток на процесс семантической деривации.

В случае словообразовательной деривации все словообразовательные параметры производного являются эксплицитными, а их соотношение с семантическими параметрами – весьма типичным для регулярного словообразования. В частности, словообразовательная мотивация является полной, членимость по словообразовательной модели – четкой, идиоматичность слабой, а словообразовательное значение – эксплицитным. Оно формулируется для суффиксальных производных агента действия как «тот, кто совершает действие, обозначенное производящей основой». Что касается соотношения словообразовательного и лексического значений (СЗ и ЛЗ), то оба эти типа языковых значений представлены в равной мере, демонстрируя системные характеристики, связанные с обобщенностью первого и индивидуальностью второго.

Данный тип развития полисемии не представляет такого интереса, как развитие полисемии путем семантической деривации, так как цель, которую мы ставим перед собой, связана с выявлением закономерностей взаимосвязи между моделью семантической деривации и словообразовательной структурой

исходного значения многозначного производного слова. Такие закономерности связаны с тем, что при развитии полисемии меняется не только ЛЗ производной семемы, но и ее словообразовательные параметры: словообразовательное значение, словообразовательная мотивация, членимость по словообразовательной модели, степень идиоматичности. Таким образом, нашей задачей является выявить правила интеракции словообразовательных и семантических параметров в семемах, производных от комплексного знака, проследить возможные парадигмы сохранения «следа» словообразовательного значения в таких семемах, степени прозрачности словообразовательной структуры в семемах, демонстрирующих различные уровни идиоматичности.

Говоря о перспективных направлениях исследования динамического аспекта словообразования, необходимо особенно отметить роль когнитивного подхода к производному слову. Именно он позволяет с наибольшей четкостью и достоверностью выявить причины и типы соотношения ЛЗ и СЗ, правила композициональности элементов словообразовательной структуры и прототипические модели, характеризующие сочетание словообразовательного и лексического аспектов исследования. Такой подход оказывается особенно актуальным, так как комплексный знак сам по себе является особой структурой представления знаний, в которой новое знание опирается на значение исходной единицы. Представляя все многообразие человеческого опыта и знания в виде словообразовательных моделей и словообразовательных значений, комплексный знак является особой когнитивной структурой, так как за каждым его компонентом (производящей основой и словообразовательным формантом) стоит некая сумма знаний. Эти компоненты вступают между собой в специфические отношения, определяющие дальнейшее семантическое развитие комплексного знака. Именно поэтому дериватологи признают, что, поскольку и за производящей основой, и за аффиксом стоит некоторая сумма знаний, это дает нам право представить производное слово как особую когнитивную структуру [8, с. 14]. Е. С. Кубрякова считает, что использование когнитивных методов позволит глубже проникнуть в механизм словообразования, установить когнитивные особенности словообразования, описать семантику производного слова, а также изучить, как рождаются такие новые значения, «понимание которых требует выхода за пределы знаков как таковых, а следовательно, и применения механизма инференции» [1, с. 17].

Исходя из подобного подхода к производному слову, мы при изучении развития полисемии суффиксальными производными путем семантической деривации пришли к выводу, что в этом случае присутствуют два способа, которые и определяют наличие

двух типов семантической деривации. Прежде чем описать их подробно, необходимо отметить, что дифференциация этих типов связана с основной гипотезой нашего исследования, которая заключается в следующем: основные типы изменения семантики словообразовательного форманта в многозначных комплексных знаках определяются различными моделями семантической деривации, в частности – ролью в этих моделях семантического компонента, актуализирующегося при появлении производной семемы.

Как уже указывалось, нами выявлено два основных типа развития полисемии: в первом (тип 1) ядерная сема модели семантической деривации соотносится с производящей основой комплексного знака в исходном значении, а семантика словообразовательного форманта сохраняется в производной семеме без изменения; во втором (тип 2) – ядерная сема модели семантической деривации является результатом переосмысления семантики словообразовательного форманта и производящей основы. Методом выявления локальной соотнесенности (места) ядерной семы модели семантической деривации является компонентный анализ. На ментальном уровне ядерная сема модели семантической деривации опирается на признак концепта, который выходит на передний план, играя основную роль в модели концептуальной деривации. Таким образом, выстраивается следующая цепочка: модель концептуальной деривации (при определяющей в ней роли признака концепта, вербализованного в соответствующем семантическом наращении) → модель семантической деривации, которая, в свою очередь, определяет соотношение словообразовательных и семантических параметров ЛСВ многозначного комплексного знака.

Опишем подробнее характеристики типа 1 и типа 2 семантической деривации.

Для производных, относящихся к типу 1, ядерная сема модели семантической деривации соотносится в исходном значении с производящей основой, т.е. является компонентом ее смысла. Например, существительное *grammatiste* означает: 1. *Celui qui enseignait à lire et à écrire chez les Grecs* – «лицо (у греков), которое занималось обучением чтению и письму»; 2. *Maître, professeur qui est trop sévère dans l'accomplissement de toutes les formalités* – «преподаватель, отличающийся строгостью в плане выполнения всех формальностей». В данном случае семейно-основой метафорического переноса является семантический компонент (а на когнитивном уровне признак концепта), отражающий свойство производящей основы *grammaire* (обязательность соблюдения правил, четкость, формальность). Главным релевантным признаком данного типа является то, что процесс переосмысления не затрагивает отношений между производящей основой и суффиксом. Таким образом,

дополнительный семантический компонент является коррелятом производящей основы, выступающей в ЛСВ2 в метафорическом значении, в то время как суффикс *-iste* сохраняет значение агента действия, как и в исходном значении.

Еще несколько примеров: существительное *sauteur* означает: 1. *Spécialiste du saut* – «специалист по прыжкам, прыгун»; 2. *Personne sans sérieux qui promet volontier et sur qui l'on ne peut compter* – «несерьезный человек, который легко дает обещания, на которого нельзя рассчитывать». Свойством действия *sauter* (прыгать), характеризующего производящую основу, является наличие элемента беспечности, несерьезности. Этот признак концепта и репрезентируется через актуализацию компонента «несерьезность», соотносящегося с производящей основой.

Существительное *badigeonneur* имеет следующие ЛСВ: 1. *Ouvrier qui badigeonne* – «маляр, то есть рабочий, который красит»; 2. *Mauvais peintre* – «плохой художник, то есть человек, который плохо рисует (как если бы он не рисовал, а красил, мазал кистью)». Мы видим, что в данном примере признак концепта представляет сему-основу метафорического переноса «способ действия» (мазня кистью), которая, как и в ранее описанных примерах, соотносится с производящей основой.

Тип 1 развития полисемии имеет свои прототипические словообразовательно-семантические характеристики. Прежде, чем их описать, отметим, что данные характеристики верифицировались при помощи использования комплексной методики. В частности, степень мотивированности производного слова определялась в соответствии с положениями деривационной ономазиологии (словообразование на синтаксической основе) [9; 10]. Использовалась также методика, позволяющая с высокой степенью достоверности определить степень мотивированности комплексного знака: теория места мотивирующего слова в мотивирующем суждении [10, с. 290]. Как уже указывалось, применялся компонентный анализ и концептуальный анализ. На наш взгляд, именно комплексный подход к выбору методики исследования необходим для анализа многозначного производного слова, так как именно сочетание структурного и когнитивного подходов и позволяет вскрыть все многообразие структурно-семантических отношений, типичных для производного слова, увидеть скрытые в когнитивии причины, определяющие регулярные динамические процессы, происходящие на базе комплексного знака.

На основании такой методики исследования мы выявили следующие характеристики комплексных знаков типа 1 развития полисемии.

Словообразовательная мотивация в данном случае является частичной. Это означает, что часть производной семемы является переосмысленной

(производящая основа), а часть – сохраняет свое регулярное значение (суффикс). Из этого следует, что на вопрос, оказывающийся в центре нашего внимания и связанный с анализом семантики, вносимой суффиксом в семантическую структуру производной семемы, мы можем ответить следующим образом: в существительных, развивающих полисемию по типу 1, семантика словообразовательного форманта остается эксплицитной.

В этом смысле не существует разницы между «поведением» суффикса при словообразовательной и семантической деривации. Однако это не означает, что при типе 1 семантической деривации словообразовательная структура остается прозрачной: так как мотивация является частичной и идиоматичность также носит характер частичной, словообразовательное значение не может быть полностью эксплицитным. Именно поэтому оно и представлено в измененном виде и выглядит как «тот, кто делает то, что похоже на обозначенное производящей основой».

Перейдем к описанию характеристик типа 2 развития полисемии. В результате исследования было установлено, что при типе 2 семантической деривации метафоризация основана на потенциальной семе, отражающей результат переосмысления семантики форманта и производящей основы. Ядерная сема модели семантической деривации не соотносится в данном случае ни с семантической структурой словообразовательного форманта, ни с семантической структурой производящей основы: она находится как бы вне словообразовательной структуры, т.е. вне словообразовательной модели, по которой построено исходное значение.

Например, существительное *gazier* означает: 1. *Ouvrier dans une usine à gaz* – «рабочий газового завода»; 2. *Arg. Gars, homme* – «парень, мужчина». В данном примере основой метафорического переноса являются положительно маркированные семы «сила, мужественность», т.е. физический признак человека, работающего на газовом заводе. Существительное *artiste* означает: 1. *Créateur d'une oeuvre d'art* – «создатель художественного произведения»; 2. *Fantaisiste* – «фантазер» (человек с воображением). Очевидно, что мы имеем дело с семой-основой метафорического переноса, отражающей признак, связанный с психическими особенностями человека – «способность к воображению», присущими артистам. Данный признак возникает как результат переосмысления семантики производящей основы *art-* и суффикса *-iste*, что, как уже говорилось, свойственно всем комплексным знакам типа 2. К данному типу также относится, например, существительное *épiciier*, которое имеет следующие ЛСВ: 1. *Personne qui tient une épicerie, un commerce d'épicerie* – «лицо, содержащее бакалею, занимающееся торговлей бакалейными

изделиями»; 2. *Fig. et péj. Un homme à l'esprit étroit dont les idées ne se haussent pas au-dessus de son commerce* – «человек с ограниченным умом, мысли которого не выходят за пределы его коммерческих интересов». Ядерная сема модели семантической деривации отражает отрицательный признак бакалейщика – его ограниченность. Этот признак и становится основой метафорического переноса.

Существительное *casseur* означает: 1. *Celui qui casse* – «тот, кто ломает»; 2. *Fanfaron, quereleur, tapageur* – «фанфарон, скандалист, любитель пошуметь». Отрицательно маркированным в данном случае является компонент, отражающий признак, черту человека, ломающего что-либо: его стремление произвести шум. Именно этот компонент и становится основой метафорического переноса.

Существительное *collégien* означает: 1. *Elève d'un collège* – «ученик колледжа»; 2. *Jeune homme sans expérience* – «молодой человек, не имеющий опыта». Семой-основой метафорического переноса является компонент, отражающий признак, характерный для ученика колледжа – молодость и неопытность.

Как видно из примеров, ядерная сема модели семантической деривации может маркироваться как положительная и как отрицательная, эксплицируя различные признаки концепта: отражающие функцию, результат, свойства, типичный признак и т.д. Семантическая маркированность признака концепта (на вербальном уровне – ядерной семы модели семантической деривации) не описывается в данной статье, составляя предмет специального исследования.

Что касается словообразовательно-семантических характеристик типа 2 развития полисемии, то они так же, как и в случае типа 1, обладают своей спецификой. Ввиду того, что происходит полное переосмысление комплексного знака, словообразовательная мотивация оказывается имплицитной, членимость по словообразовательной модели практически отсутствует, идиоматичность оказывается значительной, словообразовательное значение неэксплицитно (в мотивирующем суждении корреляты мотивирующего слова и словообразовательного форманта занимают позиции весьма удаленные от главных членов предложения) [10, с. 290]. Что касается доли семантики, вносимой суффиксом, то мы не можем говорить о регулярности такой семантики ввиду отсутствия в производной семеме регулярного словообразовательного значения. Другими словами, семантика «агента действия» не представлена более как компонент словообразовательного значения, а выступает как компонент лексического значения, что и отличает тип 2 развития полисемии от типа 1. В первом случае исследование проводится как на словообразовательном, так и на лексическом уровнях, а во втором – полностью переходит на лексический уровень. Например,

существительное *lampiste*, построенное по модели (N1 + *iste*)N2 означает: 1. *Personne chargée de l'entretien des lampes, de l'éclairage* – «лицо, ответственное за поддержание работы ламп, освещение (в театре)», т.е. «тот, кто занимается деятельностью, связанной с лампами, освещением»; 2. *Subalterne au poste le plus modeste* – «мелкая сошка», т.е. «тот, кто занимается деятельностью, не имеющей важного значения». Ядерной семей модели семантической деривации становится компонент, отражающий результат переосмысления семантики производящей основы и суффикса – незначительность деятельности (тот, кто занимается освещением в театре, считается не самым важным по сравнению, например, с актерами, режиссером и т.п.) Как мы видим, в ЛСВ2 присутствует компонент «лицо», отражающий измененное в соответствии в процессе переосмысления производного словообразовательное значение исходного ЛСВ: компонент значения, связанный с суффиксом в ЛСВ1 представлен в ЛСВ2 как компонент лексического значения. На наш взгляд, решающую роль для утверждения присутствия / отсутствия в ЛСВ2 элементов семантики словообразовательного форманта (как компонента ЛЗ) играет фактор наличия ярко выраженного частного категориального значения. Например, для существительных с суффиксом *-iste* – это частное категориальное значение лица, которое вписывается в общее категориальное значение агенса. То же самое можно сказать и о других комплексных знаках с суффиксами агента действия. Благодаря этому, когда при переосмыслении таких комплексных знаков на передний план выходит признак концепта, характеризующий признак лица, именно этот компонент становится ядерным в ЛСВ2 или привносит в него элемент регулярного значения суффикса. А так как словообразовательные значения суффиксальных производных обладают достаточно высокой степенью обобщенности, мы можем утверждать, что в семемах, производных от суффиксальных комплексных знаков всегда содержится «след» регулярного значения суффикса.

Таким образом, процесс развития полисемии суффиксальными производными подчиняется определенным закономерностям, связанным со следующим:

– связь признака концепта с определенным элементом словообразовательной структуры (производящей основой или результатом переосмысления всего комплексного знака) при его актуализации в

модели семантической деривации играет решающую роль для того, в каком виде представлена семантика суффикса в производной семеме (как компонент СЗ или как компонент ЛЗ);

– существует два основных направления развития многозначности (тип 1 и тип 2). Представляется, что данные направления, отражающие существующие типы идиоматичности комплексного знака, релевантны не только для суффиксальных, но и для других словообразовательных типов;

– каждый тип развития полисемии характеризуется наличием специфического набора словообразовательно-семантических характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е. С. Кубрякова // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 2002. – Т. 61, № 1. – С. 13–24.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
3. Кубрякова Е. С. Производное слово в лексике и грамматике / Е. С. Кубрякова // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984. – С. 60–69.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. – 123 с.
5. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 415 с.
6. Лапшина М. Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте) / М. Н. Лапшина. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 1998. – 160 с.
7. Ермакова О. П. Проблемы лексической семантики производных слов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Ермакова. – М., 1977. – 36 с.
8. Тропина О. А. Производное слово как особая когнитивная структура / О. А. Тропина // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. – Тамбов, 1998. – С. 146–147.
9. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск: Вышэйш. шк., 1985. – 157 с.
10. Кубрякова Е. С. Теория мотивации и определение степени мотивированности производных слов / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1976. – Ч. 2. – С. 285–292.

Воронежский государственный университет

Полянчук О. Б., доктор филологических наук, доцент кафедры французской филологии факультета РГФ

E-mail: france@rgph.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 253-02-47

Voronezh State University

Polyanchuk O. B., Doctor of Philology, Associate Professor, Department of French Philology, Faculty of Romance and Germanic Philology

E-mail: france@rgph.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 253-02-47